Мы ждали славы в тишине ночи. Песок в яме был прохладным под нашими ногами. Предрассветный ветерок ползал по нашим обнажённым телам, поднимая шишки на коже. Мы дышали медленно и глубоко, каждый в поисках своего внутреннего покоя. Никто не говорил. Никто не двигался.

Заря пробилась над восточным горным хребтом, и пятьдесят тысяч зрителей разразились аплодисментами.

Ступени стадиона, разумеется, были заполнены до отказа ещё с прошлой ночи. Допуск к играм происходил по принципу – первый пришёл, первый получил, с соблюдением только обычных условий для бродяг. Я не сомневался, что многие на этих ступенях заняли свои места уже за нескольких дней до начала игр. Дальше, на краю массивного кратера в земле, которым был Алый Стадион, тысячи других стояли и смотрели вниз, смешиваясь с тележками с едой и торговыми прилавками.

Крыши жилых домов тех влиятельных граждан, которым посчастливилось иметь землю рядом со стадионом, также были заполнены богатыми зрителями. И я знал, что где-то в этих горных хребтах посвящённые Розовой Зари и Пылающего Заката будут с нетерпением наблюдать, пока их старейшие философы предоставляют пересказ.

Столпы, естественно, занимали почётное место на трибунах. Это уважение было оказано обоим главным культам Аликоса, хотя Розовая Заря была единственной из двух, кто действительно заслуживала этого. Тем не менее, там, на западном краю трибун, на четвёртом ярусе ступеней, со скрещёнными руками сидел кириос Пылающего Заката. Рядом с ним находились его жена и трое из их четырёх детей. Четвёртый был в ямах вместе со мной.

На восточной стороне больших овальных ступеней Дэймон Этос сидел на четвёртом ярусе со своими братьями и всеми пятью моими очаровательными кузенами. Я поднял руку против яркого солнечного света, ярко улыбаясь своей семье.

Естественно, мои дяди были в ярости. Дядя Фотиос, без сомнения, был более добрым из них двоих, но даже он выглядел так, будто хотел нанести несколько хороших шлепков по моим только что выбритым щекам. Дядя Ставрос выглядел просто убийственно. Херон не отставал от отца, его лицо стало багровым вместе с солнцем. Кастор был ошеломлён, а Мирон сидел, утешая униженную Рену, пока она закрывала лицо руками.

Лидия смотрела на меня широко раскрытыми глазами, потрясённо приоткрыв губы.

Дэймон Этос поднял бровь, когда мы встретились взглядами. Как и всегда, мой отец был не впечатлён, но я не ожидал ничего другого. Не каждую войну можно выиграть за один день.

Громовой крик сальпинкса расколол воздух. Аплодисменты масс удвоились.

Начались Дневные Игры.

Дневные Игры были учреждением, существовавшим более семисот лет в Алом Городе. Это была серия состязаний, в которых мог принять участие любой мужчина или женщина, если они соответствовали требованиям, установленным городом, проверяя каждый элемент человеческого атлетизма. От спринта до метания копья и диска, вплоть до боевых состязаний любого типа. Каждый год мужчины и женщины проверяли пределы своих добродетельных душ в погоне за лавровой короной.

Конечно, эти игры были лишь подражанием реальных. Каждый из восьми суверенных городов-государств свободного Средиземноморья проводил свои собственные ежегодные игры, но они были лишь заменой настоящего соревнования. Событие, которое собрало мужчин и женщин высочайшего уровня культивирования с самых дальних уголков Греческих Островов, чтобы соревноваться на глазах богов и людей за превосходство.

Один раз в год, в течение трёх лет, восемь городов оттачивали своих жителей до совершенства в местных играх. Но на четвёртый все они отдали дань уважения высшему горнилу добродетельных людей.

Среди неба и земли Олимпийские Игры были королём.

Но эти игры не были ими, и ставки были гораздо ниже. Вместо мировой славы и подавляющей власти мужчины и женщины соревновались в Дневных Играх за такие вещи, как гражданство, политическое влияние и, прежде всего, право хвастаться между культами. Конечно, они преподносили это как семейный долг и твердили об экономических последствиях того, что Розовая Заря уступит позиции Пылающему Закату, но всё это не имело значения.

Пылающий Закат не представлял серьёзной угрозы с того дня, как мой отец вернулся домой из своих путешествий. В тот день он полностью подчинил себе Аликос кулаком Тирана. Подобно тому, как солнце взошло на ладони разрубленного пополам мёртвого бога, на ладони моего отца взошёл Алый город.

Пока Дэймон Этос дышит, ни одна игра не изменит этого факта. Это мешало по настоящему заботиться о репутации, поставленной на карту. Поэтому я не стал. Я наблюдал за этими играми семнадцать раз с высоты этих каменных ступеней. На этот раз я не собирался смотреть. Я собирался участвовать в состязаниях, и я собирался наслаждаться каждой минутой.

— Масло, — крикнул я, и трое гражданских добровольцев примчались с кувшинами оливкового масла. Я презирал их попытки натереть меня, взяв горсть духовного масла и сам втёр его в кожу.

Игры проводились последовательно, начиная сначала со спринта. Обширная изрытая дорожка, которая лежала в центре Алого Стадиона, была достаточно велика, чтобы даже самый сильный Софический культиватор мог метнуть диск с одной стороны и никогда не ударить по другой – при условии, что не было задействовано пневмы – но это не означало, что она была достаточно большой, чтобы провести каждую игру сразу. Здесь были многие десятки конкурентов и игр, охватывающих все виды деятельности. Одни только конные состязания заняли бы большую часть трассы.

Спринты проводились в турнирном стиле, в забегах по восемь человек, после чего победитель каждого забега должен был соревноваться в забеге чемпионов. И так продолжалось до тех пор, пока один претендент не возвысился среди остальных. Уже собиралась первая группа. Естественно, участники из Розовой Зари и Пылающего Заката получили почётное место, как и их зрители.

Я буду участвовать в первом забеге, а Молодой Аристократ Пылающего Заката будет участвовать в последнем. Остальные претенденты двух наших культов будут поровну распределены между нами. Это, несомненно, несправедливое преимущество. Но это была привилегия, которую у города не было возможности не предоставить нам.

— Знаешь, — праздно сказал я, проходя мимо определённого посвящённого Розовой Зари. Он

расположился среди горожан и богатых метеков на первом уровне лестницы, на уровне глаз с претендентами. — Гражданство предоставляется любому человеку, завоевавшему лавровый венец. Скажи мне, раб. Как бы ты хотел стать свободным?

Хаотичный шум трибун был такой, что меня не мог услышать никто из ближайших участников или зрителей. Но он мог. Я мог сказать. В то время как богатые горожане кричали и тянулись, чтобы прикоснуться ко мне, осыпая похвалами и словами ободрения, он сидел неподвижно. Безмолвно.

— Ещё не поздно, — сказал я, протягивая руку. Он смотрел на неё как на живую змею.

Военные трубы протрубили о первом забеге. Вступительные речи закончились. Долгое время я оставался там же, где и был. Даже когда зрители начали паниковать, призывая меня занять своё место на стартовой линии, я наблюдал, как буря собирается в этих серых глазах. Были бы реальные последствия, если бы мы это сделали. Невзгоды. Я понял, что мне всё равно.

Эти глаза мелькнули. Впервые с тех пор как я его знал, Сол избежал моего взгляда. Моя протянутая рука сжалась в кулак.

— Трус, — прорычал я и ушёл.

Семь мужчин присели рядом со мной в песках. Солнце взошло позади нас, бья в наши смазанные маслом спины. Ярость заставила мою кровь стучать в ушах, лишила меня моих чувств. Я не услышал призыв бежать. Я видел только семерых мужчин, сорвавшихся в бешеном спринте, сделавших четыре шага, прежде чем мой разум, наконец, прояснился достаточно, что бы бежать. Непреодолимое преимущество.

Я двинулся.

— Лио Этос!

Гром.

— Я ждал этого, Этос, — сказал Молодой Аристократ Культа Пылающего Заката.

Джанни Скала, сын Янни Скалы, присел рядом со мной среди шести других победителей. Костяшки его пальцев побелели, когда он прижимал их к песку. Каждый мускул в его теле был напряжён, умоляя двигаться.

— Правда что ли? — рассеянно спросил я. Я всё ещё был в ярости. Мой разум продолжал возвращаться к этим убегающим глазам. Я знал. Я не верил в это, не хотел верить. Но я знал. Этот чёртов трус.

— Ты всю жизнь покоился на лаврах своего отца, и никто тебе в этом не отказывал. Ты даже пришёл сюда с бритым лицом. Оскорбил всех присутствующих! Но не более. — Он оскалил зубы, в его глазах горела решимость. — Сегодня Пылающий Закат вновь займёт свой алый трон!

— Дурак. — Всё это не имело значения. Ничего не изменится.

Чиновники подняли флаги.

— Лио Этос!

Овации.

После спринта пришло метание диска.

— Лио Этос!

После диска последовало метание копья.

— Лио Этос!

Скачки.

— Лио Этос!

Прыжки.

— Лио Этос! Лио Этос! Лио Этос!

Чиновники снова и снова выкрикивали моё имя. С таким же успехом они могли быть на трибунах вместе с остальным городом. Спортсмены во всех ямам скрежетали зубами и колотили кулаками по песку. Культиваторы от Пылающего Заката до самых дальних окраин городских деревень с ненавистной завистью наблюдали, как я без особых усилий брал у них то, о чем они мечтали всю свою жизнь. Без какого либо волнения.

Почему он не взял мою руку?

Бронзовые трубы издают свои звонкие призывы. Солнце достигло своего зенита. Спортивные состязания закончились, и наступили боевые состязания.

Мирон бросился на пески с обёрнутым лезвием в руках. Он предложил его мне с тем же волнением, с каким накануне предлагал ритуальный нож. Взгляд на трибуны показал, что он был не единственным.

— Ты в порядке, Лио? — тихо спросил мой младший кузен. Я закрыл глаза. Глубоко вдохнул.

Какая первая добродетель?

— Я буду, — сказал я и взял клинок.

Сначала, состязания с оружием.

— Лио Этос!

Затем панкратион.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3116794